

Для цитирования: Лагунов А. А. Идеологический аспект мировоззренческого диалога в поликонфессиональном обществе // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 25–30.

УДК 215

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Лагунов Алексей Александрович,
Северо-Кавказский федеральный университет,
профессор кафедры социальной философии
и этнологии,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 356240,
Ставропольский край,
г. Михайловск, ул. Гагарина, д. 400.
E-mail: E-maillag@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается соотношение понятий веры, религии и идеологии, обосновывается органическая взаимосвязь идеологий и религий (квазирелигий) и делается вывод о необходимости мировоззренческого диалога при определении общих для российского общества идеологических приоритетов.

Ключевые понятия:

вера,
религия,
квазирелигия,
идеология,
диалог.

Требует исследовательского внимания тот факт, что вплоть до самого конца XVIII в. ученые обходились без специального понятия идеологии. Это можно объяснить тем, что идеологическая компонента имплицитно содержалась в системах религиозных верований, определявших цель жизни человека и ценности, необходимые для ее достижения, а значит, придававших жизни вполне конкретный смысл, не требующий отдельного объяснения. Антуан де Траси ввел понятие идеологии в научное употребление, когда секуляризационные процессы стали явно влиять на общественную жизнь, вытесняя из коллективного сознания традиционную религиозность. Он сам и его последователи, французские «идеологи», ставили задачу объяснения механизма образования идей из ощущений и памяти (чувственного и рационального), выяснения влияния определенных концептов на деятельность человека. Однако взаимосвязь религиозных и идеологических представлений оказалась достаточно прочной, и уже через несколько десятилетий понятие идеологии приобрело негативный смысл (особенно у К. Маркса и Ф. Энгельса), обуславливающийся как раз этой связью с не верифицируемой религиозной верой, противопоставленной доказательному научному знанию. Но познавательная интенция не позволяет ученому сообществу стоять на месте, и спустя столетие оно стало понимать, что восхваляемая им ранее строгость научного мировоззрения также основывается на вере, вполне догматичной, более того – фанатичная вера в науку и ее возможности постепенно оформляется общественным сознанием в квазирелигиозные представления¹. Критерий демаркации научного и вненаучного знания так и не был найден, в итоге идеология вернула себе статус если не научной дисциплины, предполагавшийся французскими «идеологами», то, во всяком случае,

¹ «Иногда то, что я называю квазирелигиями, – отверждал протестантский богослов П. Тиллих, – называют псевдорелигиями, но это столь же неточно, сколь и несправедливо. “Псевдо” указывает на предполагаемое, но обманчивое сходство; “квази” указывает на подлинное сходство – не предполагаемое, а основанное на идентичности некоторых сторон» [3]. Он описывал такие квазирелигии, как фашизм и коммунизм, однако этот список сегодня значительно расширен: сциентизм, либертарианство, психоанализ, саентология и пр.

неотъемлемой составляющей социогуманитарного знания.

Сегодня актуальной темой российских и не только общественных наук является формулирование (или даже формирование) этнической (метаэтнической) идеологии (как варианты – государственной идеологии, идеологии гражданской нации и пр.), без которой трудно предствимо осмысленное движение общества к определенной цели, опосредующее легитимизацию ценностных систем. Между тем, достаточно часто забывается органическая и историческая связь идеологии и религии, многие исследователи упоминают о религии лишь вскользь, поскольку она не является существенной частью их идеологических построений. На наш же взгляд, эта связь требует концентрации особого внимания, в связи с чем предпримем попытку концептуализации таких важных для общества, как выяснилось в последнее время, понятий веры, религии и идеологии.

Наиболее глубинным по своим метафизическим значениям и потому сложно раскрывающим свое многоаспектное и трудно обобщаемое содержание является понятие веры, которое представляется нам логически первичным по отношению к последующим, значит, только через него возможно их осмысление. *Вера есть прежде всего чувство*, именно поэтому так много говорят о ее иррациональности, что имеет под собой достаточные основания, ведь *вера – это ощущение присутствия неведомого*, непознанного, но необходимого для ведения, или познания, а значит – для жизни вообще. Апостол Павел замечательно пишет об этом: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1). Невидимое ожидаемо, более того, оно необходимо, и поэтому осуществляется, реализуется в мыслях, словах и делах человека, которому априорно свойственна метафизическая интенция к неведомому. Это неведомое не чувствуется, не ощущается в обычном смысле, его нельзя взвесить, измерить, услышать, увидеть, однако оно детерминирует все наши физические чувства и ощущения. Более того, и неведомое становится видимым и ведомым, для этого следует лишь приложить усилия, но не физические только, а еще и особенные, духовные. Нужно приобрести духовный опыт. Следовательно, *веру мы можем отнести к чувствам специфическим, или ду-*

ховным. Только имеющий духовную веру может раскрыть в себе духовное зрение, духовный разум, и тогда *вера становится уже не только чувством, но и феноменом, она проявляется и объективно воздействует на человека и окружающий его мир*.

Вера всегда предполагает выход человека за пределы чувственного мира при сохранении неразрывной связи с имманентно данным, более того, само существование мыслящей личности и окружающей ее реальности невозможно объяснить без трансценденции, требующей акта веры. По мысли К. Ясперса: «Верой называется сознание экзистенции в соотношении с трансценденцией» [2, с. 381]. Это определение применимо не только к философской вере, но и к вере религиозной, научной, даже повседневной (обыденной). Все мы верим в наступление завтрашнего дня, несмотря на то, что он, если подумать, даже не трансцендентен – его *еще нет*, и *уверенность* человека в нем если не является следствием самонадеянности, то, во всяком случае, принципиально доступна для опровержения. Хотя, видимо, для вечности завтрашний день всегда есть и так же реален, как вчерашний, но наше физическое тело может существовать лишь в настоящем, и только *умозрению* доступны прошлое, оставившее следы в памяти, и даже будущее – ведь мы верим, что оно наступит и будет, хотя и другим, однако подобным настоящему и прошлому.

У античных и средневековых мыслителей был прекрасный термин, несколько подзабытый в «новое время» – умозрение. «Зреть умом» или «думать глазами», созерцать (отсюда и наша теория (феория), на каком-то этапе начавшая противопоставляться чувственной практике, и даже отрицать ее в качестве спекулятивного знания) – занятие, требующее привлечения одновременно всех познавательных способностей человека: и разума, и чувств, и духовного опыта, и интуитивных прозрений. Только так, как предполагалось, можно было достичь *целостного знания*. Однако сегодня принято делить познание на чувственное и рациональное. В таком случае разум («рацио») отрывается от чувств, становится их арбитром и даже законодателем для них, что, думается, является непоправимой девиацией.

Вера, когда она рождается в человеке, есть духовное чувство, вместилищем которого является сердце (не физиологический

орган, а тоже духовный – середина, средоточие личности). Исихасты говорили о необходимости сведения ума (разума) в сердце. В Православном молитвослове есть молитва, слова которой при тщательном обдумывании поражают своим несоответствием современному гносеологическим представлениям: «...просвети ми разумныя очи сердечныя...» [4, с. 17]. Здесь очи не только должны быть разумными (умозрение), но еще и сердечными. Русские философы также соглашались с целостным характером действительного познания, не делимого на чувственное и рациональное, эмпирическое и духовное (теоретическое в старинном смысле, или умозрительное), молодой В. С. Соловьев, к примеру, писал: «Я знаю, что всякое преобразование должно делаться изнутри – из ума и сердца человеческого. Люди управляются своими убеждениями, следовательно, нужно действовать на убеждения, убедить людей в истине» [6, с. 233].

Таким образом, разум, несмотря на высказываемую последние столетия собственную претензию к самодостаточности, все же не только руководствуется данными органов пяти известных чувствований человека, но и всецело зависит от «шестого» чувства – веры¹. Следовательно, и вера, и разум – необходимые для процесса познания средства, причем разум только служебен, он подотчетен вере, которая может принимать различные формы. Аналитически выделяемое чистое рационально-теоретическое знание, даже рассматриваемое в его связи с практикой, понимаемой как критерий истинности умозаключений, носит принципиально аксиоматический характер, поскольку в основании самой строгой и логически стройно выраженной теории всегда лежат положения, в которые следует только верить, и этот принцип распространяется буквально на всю множественность наук, как социогуманитарных, так

¹ Под «шестым чувством» чаще всего понимается интуиция, но характерно, что позднелатинское «*intuitio*» переводится как «созерцание», которое у древних греков именовалось «*theōgia*», умозрение. В нашем случае представление веры в качестве шестого чувства – даже не метафора; конечно, с оговоркой – не соматическое (телесное) и даже не психическое (душевное) чувство (такие как стыд, жалость, благоговение, страх и др.), а именно духовное, причем это чувство априорное, дано человеку от природы, т. е. в некотором смысле оно и физическое, хотя, с другой стороны, обращено и к метафизической реальности – к абсолютному, непостижимому, будущему, вечности и пр.

и естественных, включая геометрию, которая вплоть до открытия Н. И. Лобачевского считалась строго объективной наукой, исключающей малейшую возможность получения субъективных результатов.

Науки, как и все проявления социального бытия человека, фундируются системными комплексами «вероятельные аксиом», признаваемых в определенные исторические периоды в качестве «очевидных» и общепризнанных. Координируется же взаимодействие множества таких комплексов религиозными или/и квазирелигиозными представлениями. В таком смысле *религия – это вера, получившая социальную определенность*, причем «определенности веры» (религии) как в социально-историческом процессе, так и в современности часто не имеют взаимной связи и кардинально отличаются друг от друга².

Процессы секуляризации, прогрессирующие в нашем мире, не приводят к когда-то ожидаемому исчезновению полагаемых социальными атавизмами религий, поскольку, как писал о. А. Шмеман: «...человек *религиозен* по существу. И если он отказывается от религии трансцендентного, то есть надмирного, Бога, то он необходимо принимает религию имманентного Бога, имя которому может быть Социализм, История, Культура, все что угодно... Поэтому в мире идет спор не между верой и неверием, а между разными верами». Наша эпоха особенна в сравнении с предыдущими тем, что она «лишена единого объекта веры, единой системы религиозных ценностей, которые были бы безоговорочно приняты всеми» [10, с. 70]. Это эпоха «новой религиозной войны».

Религии возникают и развиваются только в обществе, как итог творческой деятельности множества личностей, при этом они непременно включают в себя опосредующие и обуславливающие социальную активность комплексы идей о приемлемых жизненных целях, смыслах и ценностях; иначе – всякая религия имеет специфическую функциональную сторону, или идеологию. В самом общем смысле *идеология есть подвижная система смысложизненных ориентиров*

² Религиоведение, изначально претендовавшее на строго научное объяснение «религии вообще» как целостного, эволюционирующего феномена, сегодня все же пришло к необходимости постулирования разнокачественности религий и невозможности подведения их всех под единый знаменатель.

человека и общества, оказывающая влияние на все стороны конкретного общественного сознания. Подвижная по причине принципиальной незавершаемости процесса мышления-осмысления, стимулирующей перманентное когнитивное совершенствование личности (а значит, и общества), без которого последняя немыслима в качестве разумного деятеля. Важно подчеркнуть, что *идеологическая сторона*¹ есть у каждой религии, и наоборот: у всякой идеологии обязательно имеется религиозное (или квазирелигиозное) основание.

Если это так, то идеологии необходимы для общественной жизни, без них она просто не состоится. Однако этот вывод зачастую воспринимается как достаточно спорный, поскольку существует традиция восприятия идеологии в негативном свете, что объяснимо справедливой критикой *тоталитарных идеологий*. Тем не менее, логическое умозаключение от частного к общему, поспешная и далеко не полная индукция в данном случае неправомерны. Идеологии не всегда имеют тоталитарный характер, хотя, следует согласиться, они и стремятся охватить все стороны жизни человека и общества, по крайней мере, всесторонность может рассматриваться в качестве «идеологического идеала», поскольку никакая идеология не может не стремиться к подчинению осмысленным в ней ценностно-целевым ориентирам всех и каждого, во всякой жизненной ипостаси и при любом делании. Отличие тоталитарной идеологии от «нормальной», думается, не во всеохватности, а в неорганичности, из которой вытекает настоятельная потребность прерывания живой связи с традиционной религией как исторической определенностью веры, превращения ее в косное обрядоверие, безжизненный ритуал, лишенный творческой, свободной инициативы разумной личности, склонной к совершенствованию идеологических смыслов. Однако, прерывая связь с религией, объявляя ее главным идеологическим конкурентом, тоталитарная идеология вынуждена опереться на специально конструируемую под нее

¹ Религия, поскольку в логической последовательности «вера – религия – идеология» размещена в центре, одной стороной всегда обращена к вероисповеданию, к его сохранению и раскрытию в человеческом сознании догматических истин, другой – к осуществлению исповедуемого, к деятельности, опосредуемой идеологическими представлениями.

квазирелигию, не имеющую глубоких корней в общественном сознании, что всегда приводит к проявлениям фанатизма, результата «слепой веры», в его самых уродливых формах.

Нормальную идеологию вполне можно полагать в качестве *мировоззренческой доминанты*, органично формирующейся под влиянием веры и ее конкретно-исторической социальной определенности, или религии. Глубинную связь мировоззрения и веры подметил в словарной статье Т. И. Ойзерман: «Всякое мировоззрение складывается из убеждений. Они могут быть истинными или же, напротив, мнимыми... Одни убеждения основываются на фактах, другие, напротив, коренятся лишь в субъективной уверенности, лишенной объективной основы. Убеждения характеризуются прежде всего той энергией, настойчивостью, решительностью, с которыми они высказываются, обосновываются, защищаются, противопоставляются другим убеждениям» [5, с. 578–579].

Итак, идеология является пространством «овнешненных», явленных и принимаемых большинством, а потому действенных смысложизненных ориентиров, она помогает представителям общности осмыслить свое бытие, сформировав прежде всего представления о личных и коллективных целях, о ценностях как средствах, необходимых для их достижения. Поэтому нормальные, органические идеологии, в отличие от тоталитарных, неразрывно связаны с конкретными языком и менталитетом, опосредуя вместе с ними существование преемственного в социально-историческом времени общественного сознания.

Какие же можно сделать практические выводы из всего вышеизложенного?

1. Учитывая выявленную ранее смысловую взаимосвязь понятий веры, религии и идеологии, а также проведенную констатацию их корреляции в конкретном мировоззрении, можно умозаключить, что носителем последнего является общественное сознание, которое хотя и представляет собой абстракцию высокого уровня², тем

² Если быть точным, мировоззрение может формироваться только личностно (на мир «зрит» и познает его всегда конкретный субъект). Однако личность живет в обществе, и она имплицитно, часто неосознанно связана с ним общностью представлений, что дает возможность говорить и об общественном сознании, субъективно-объективном феномене, обладающем, в частности, определенным мировоззрением.

не менее, вполне объективно влияет на множество личностей, обуславливающих и продолжающих во времени мировоззренческое творчество в пределах когнитивно-деятельностного пространства, задаваемого религией как вероопределенностью. Поэтому *в условиях поликонфессионального российского общества, формулируя его идеологические приоритеты, необходимо ясно осознавать наличие конкретной множественности основанных на вере и религиях/ квазирелигиях идеологий и стремиться к осуществлению конструктивного мировоззренческого диалога*, насколько это позволяют сделать современные социальные реалии.

2. Причем вследствие принципиальной разнокачественности догматически-религиозных оснований *точки соприкосновения в этом диалоге следует искать не в вероисповедной области, а прежде всего – в нравственно-практической*, от состояния которой зависят как политическая, так и экономическая сферы общественного бытия. Спор о догматах между христианами и мусульманами, иудеями и буддистами, традиционными верующими и принципиальными атеистами не конструктивен, напротив, он будет являться дестабилизирующим общественную жизнь фактором. Однако все российские религии и даже квазирелигии несут в себе отпечаток общей отечественной традиции, что создает множество точек соприкосновения между ними, это во-первых, и, во-вторых, давно подмечено, что все религии, несмотря на свою разнокачественность, декларируют схожие нравственные нормативы, что легко объяснимо тем, что в их создании принимает активное участие человек, а он сущностно везде и всегда одинаков.

3. Крайне опасны попытки искусственного конструирования единой для всех народов и вер России государственной идеологии, ведь нужно помнить и, главное, понимать, что представления о месте и роли государства в социокультурной жизни у верующих коммунистов, христиан, мусульман, буддистов всегда будут отличаться, что идеологии и религии (квазирелигии), как выяснено, взаимосвязаны. *За всякой органической идеологией стоит религия, а не государство*, которое, по известной мысли В. С. Соловьева, должно лишь ограждать нас от зла, не позволяя нашей жизни уже

сегодня превратиться в ад, а не вести к добру, самостоятельно определяя дорогу к нему. Государство обязано обеспечить мирные условия для органического развития конкретного множества вер, религий и идеологий (и лучше – традиционных, проверенных временем). Нужно изучать уроки истории: у всех создателей тоталитарных идеологий XX в., надо полагать, были благие цели (исходящие из их собственного понимания блага), и никто из примкнувших к ним не желал, во всяком случае явно, тех последствий, с которыми человечество столкнулось лицом к лицу, неся при этом величайшие жертвы.

4. Однако отказ от единой государственной идеологии в российских условиях, конечно, не означает отсутствия необходимости конструктивно-творческой деятельности по достижению *идеологического консенсуса*, по определению общих идеологических ориентиров, приемлемых большинством населения – ведь никто, за редким исключением, не будет возражать против того, чтобы наше государство стало прежде всего крепким, справедливым и нравственным. Творчество же всегда требует тишины и максимальной сосредоточенности. И еще времени.

1. Жилина В. А. Идеологическое управление как сущностная черта развития социума // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 51–55.

2. Лагунов А. А., Нижников С. А. Метафизика. Религия. Общество: монография. М.: Инфра-М, Znanium.com, 2015. 424 с.

3. Методология Пауля Тиллиха. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1805442> (дата обращения 17.01.17).

4. Молитва 4-я святого Макария Великого // Православный молитвослов и Псалтирь. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1988. 256 с.

5. Ойзерман Т. И. Мировоззрение // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. 638 с.

6. Сербиненко В. В., Гребешев И. В. Русская метафизика XIX–XX веков. М.: Руниверс, 2016. 800 с.

7. Смирнов А. Ю., Лагунов А. А. Определение этноментальных характеристик российского правосознания как актуальная проблема социальной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2011. № 2. С. 184–187.

8. Царев Р. Ю. Какая идеология нужна современной России? // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 20–25.

9. Чупров А. С., Яценко О. Ю. Вера как бытие человека // Социум и власть. 2016. № 2 (58). С. 17–24.

10. Шмеман А. Собрание статей, 1947–1983. М. : Русский путь, 2011. 896 с.

References

1. Zhilina V.A. (2016) *Socium i vlast'*, no. 1 (57), p. 51–55 [in Rus].
2. Lagunov A.A., Nizhnikov S.A. (2015) *Metafizika. Religija. Obshhestvo*. Moscow, Infra-M, Znaniy.com, 424 p. [in Rus].
3. Metodologija Paulja Tilliha, available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1805442> (accessed 17.01.17) [in Rus].
4. Molitva 4-ja svjatogo Makarija Velikogo (1988) *Pravoslavnyj molitvoslov i Psaltir'*. Moscow, Izdanie Moskovskoj Patriarii, 256 p. [in Rus].
5. Ojzerman T.I. (2010) *Mirovozzrenie, Novaja filosofskaja jenciklopedija v 4 t. T. 2*, Moscow, Mysl', 638 p. [in Rus].
6. Serbinenko V.V., Grebeshev I.V. (2016) *Russkaja metafizika XIX-XX vekov*. Moscow, Runivers, 800 p. [in Rus].
7. Smirnov A.Ju., Lagunov A.A. (2011) *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*, no. 2, p. 184–187 [in Rus].
8. Carev R.Ju. (2017) *Socium i vlast'*, no. 5 (67), p. 20–25 [in Rus].
9. Chuprov A.S., Jashhenko O.Ju. (2016) *Socium i vlast'*, no. 2 (58), p. 17–24 [in Rus].
10. Shmeman A. (2011) *Sobranie statej, 1947–1983*, Moscow, Russkij put', 896 p. [in Rus].

For citing: Lagunov A.A. Ideological aspect of a belief dialogue in a multi-religious society // *Socium i vlast'*. 2018. № 1 (69). P. 25–30.

UDC 215

IDEOLOGICAL ASPECT OF A BELIEF DIALOGUE IN A MULTI-RELIGIOUS SOCIETY

Lagunov Alexey Aleksandrovich,
North-Caucasus Federal University,
Institute of Humanities,
Professor of the Department Chair
of Social Philosophy and Ethnology,
Doctor of Philosophy, Professor,
Russian Federation, 356240, Stavropol Territory,
Mikhailovsk, Gagarina Street, d. 400.
E-mail: emailag@mail.ru

Annotation

The article considers correlation of the notions belief, religion and ideology, the author justifies organic interconnection between ideology and religion (quasi-religion) and makes a conclusion about the necessity of a belief dialogue at determining ideological priorities universal for the Russian society.

Key concepts:

belief,
religion,
quasi-religion,
ideology,
dialogue.